

НОВАЯ
серия

НИКОЛАЙ
БАЙТОВ

/ ЧТО КАСАЕТСЯ /

НОВОЕ
издательство

Николай Байтов

Что касается

«Новое издательство»

2007

Байтов Н.

Что касается / Н. Байтов — «Новое издательство», 2007

Николай Байтов родился в 1951 году в Москве, окончил Московский институт электронного машиностроения. Автор книг «Равновесия разногласий» (1990), «Прошлое в умозрениях и документах» (1998), «Времена года» (2001). В книге «Что касается» собраны стихи 90-х годов и начала 2000-х. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

«Каждое утро на протяжении многих лет...»	5
«Моя коллекция затей...»	6
Конус	7
«Что касается правил этой игры...»	9
«С незнакомыми именами...»	12
«А между тем еловый куст...»	13
«Много книжек читал я в родной стороне...»	14
«Древнее живое имя рек и морей...»	15
«Владивосток, понимаешь, Мукден да Харбин...»	16
«Опушкой пробегают волки...»	17
О моём шурине	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Байтов

Что касается

«Каждое утро на протяжении многих лет...»

Каждое утро на протяжении многих лет
я появляюсь на грани травы и воды.
Я убеждаюсь, что у теней отражений нет.
Все это знают, но мало кто делает выводы.

«Моя коллекция затей...»

Моя коллекция затей
представлена – в апреле, в мае.
Свирелью я зову детей —
они гуляют, ноль вниманья.

Речитативом разольюсь,
расплачиваюсь равнодушьем.
Гуляю в садике цветущем,
скучаю, сам себе дивлюсь.

Конус

1

Новую плёнку он зарядив,
вновь молчанью не вняв,
вновь к моему лицу объектив
приставив, спросит меня:

«Это ваш храм, да? а вон там —
тоже?.. Ну хорошо,
ты только ответь: тоже вода?
море? или там что?
Кустарник, шерсть, кизил или кровь?
Она распускает ткань?
А в чаше там бесконечная дробь,
шифры двоичных тайн?
Зачем этот свод и замкнутый свет?
Зачем этот текст и зов?
Где спрятан у этих женщин и дев
кассетный экскурсовод?
А эти каменные столбы
сдавили кого? Христа?..
Что ж ты молчишь? Зачем встал ты,
как сторож, здесь у крыльца?»

Я отвернусь, пойду. А турист
снова глядит в алтарь.
Никто не покажет ему, как Улисс
выходит за Гибралтар.

2

Весна опять подняла весло —
сушить, а потом копать.
Кому-то бросить велит ремесло,
точить лемех и пахать.
Когда же я наконец упрусь
килем в сухое дно,
и пахарь вопросом прервёт мой путь:
– Ты, чужеземец, кто?
Привёз ли товары к нам иль плоды
какие-нибудь?.. И вообще:
что за лопату странную ты
несёшь на блестящем плече?

Нет, это геодезист внизу
рейку выставил вверх.
Ночью он изобразит в мозгу

цепь этих твёрдых вех.
Дверь заперла эта тварь, и тот
в подъезде уснул подлец.
В отель последний поезд идёт
от станции Лептон-Ленц.
Введя дырявую ленту лиц
из перфоратора в кадр,
сержант не видит, как быстрый Улисс
выходит за Гибралтар.

3

Есть ли кто стерегущий здесь
в кадре двоичную дробь?
Кто дешифрует: кустарник, шерсть,
скалы, кизил или кровь?
Скатилась под землю четверть луны,
следом спешит океан.
Пеной в горле вскипели нули:
она распускает ткань.

Дверь заперла эта тварь, и тот
в подъезде уснул подлец.
В тоннель последний поезд идёт
со станции Лептон-Ленц.
И консул, выйдя из фильма убийств,
«халтура», – пробормотал.
Никто не видит, как лёгкий Улисс
уходит за Гибралтар.

4

Я знал, что в этом отеле вряд ли
мне суждено заснуть:
пляшет «лампада» на тёмной веранде,
хоть ноги могли разуть...

Нет, это старый падре внизу
пердит, завернувшись в плед.
Ночью он проявил в мозгу
остатки двух липких лент.—
Джон Леннон с Иконой в кадре повис,
цветы возложив на алтарь.
И консул, выйдя из фильма убийств,
«халтура», – пробормотал.

«Что касается правил этой игры...»

Что касается правил этой игры,
то не в них суть.
Не от них покачиваются миры
и в морях муть.
И не я их придумал, и не ты,
а они даны нам в виде еды,
если же здесь будут едва видны,
значит так, пусть.

Мне вообще не надо, чтоб здесь был я,
как волна боли.
Только чьи-то с тонущего корабля
вдалеке вопли.
Это будет игрок или пусть моряк —
всё равно – хоть игрек, хоть имярек.
Пусть с обломком брига его на брег
принесли волны.

Он пройдёт тропой чьей-то в снегу,
забредёт в лес,
потеряв мгновенно свою беду
в забытых мест,
замётённых с опушки на ветру.
Он увидит перед собой игру
вышесказанную – и я не вру,
я держу текст.

Ухожу и прячусь к себе туда
за сугроб тёплый,
где бормочет всякая ерунда
под густой ёлкой.
Что поделаешь? – наша жизнь трудна.
Наши достижения – одна труха.
Для того игру и берёт рука,
чтобы стать лёгкой.

Что касается правил этой игры,
то не в них вкус.
Ни желаний, ни страха, ни вины,
ни иных чувств,
от Адама известных и доньне,
слава Богу, не затронут они,
если же и сбоку где-то даны,
значит так, пусть.

Это вроде того, как бы некий «он»
размышлял:
«Чем бы мне
разукрасить времени ветхий сон
иль препровождение?
Вот хотя бы Плотин или Платон, —
всё равно – из плоти он иль фантом, —
мы его помучаем, а потом
разрешим чтение.

Нам вообще не важно, чтоб здесь был «я»,
словно чья тварь.
Сам себя направляя и пыля,
пусть бредёт вдаль.
А кругом засеянные поля,
и уже косить-молотить пора.
Кабы не всегда с кем-нибудь война,
так совсем рай.

Можно лечь с подругой в светлых садах
и сплести взоры.
Как послушное эхо, в её устах
пить свои стоны.
И до вечера целый день с утра
наслаждаться тем, что дала судьба,
поворачивая туда-сюда
интерес сонный». —

Если эти мысли столь же верны,
сколь широк жест,
то, переставляя фишки игры,
я несу крест.
Что касается правил, то их ряды
перестраиваются, как под утро грибы,
предлагая от страсти и дурноты
миллион средств.

Тот, кто выпал из пасти свирепых волн, —
пусть он спас минимум
из того, чем был, пусть стоит он гол
в бытии мнимом, —
всё равно ему под любым углом
можно видеть в звёздах добро со злом
или разукрасить времени сон
слабым днём зимним.

Он заглянет в тёплую полыню,
где дрожит пульс.
И туда сосульку, словно слюну,

протянул куст.
А потом весною, уйдя в листву,
потеряет вскоре и всю свою
ледяную твёрдость, – а я не сплю,
я держу курс.

Уползу и спрячусь опять в дыру
под сугроб рыхлый,
между тем как узенькую луну
заметёт вихрем
на востоке, в самом тёмном углу —
и она серебром подсветит пургу,—
для того луна и ведёт игру,
чтобы стать рифмой.

И коснётся правил этой возни
между слов – перст.
А потом коснётся влажных низин
близ её чресл.
Он коснётся впадин смелой весны,
и туда прольётся одно из них,
от летучей тоненькой белизны
удержав блеск.

«С незнакомыми именами...»

С незнакомыми именами
на устах – до оскомины
я скитаюсь, хотя едва ли
понимаю топонимы.

Запинаясь, ангелы пели
над полями полыни.
Пусть по Волге плывут колыбели.—
Колыбели поплыли.

«А между тем еловый куст...»

[фрагмент поэмы «Нескончаемые сетования»]

А между тем еловый куст
чернел на жёлтом скате неба.
И поскользь лыж, их скрип и хруст
по загрубевшей корке снега
я слышал, палками стуча.
А у Мелецкого свеча
в окне приветливо горела
вдали, деревни на краю.
Трещит камин. Там водку пью.
Стоит передо мной тарелка.
Часы задумчиво идут.
Собаки головы кладут
мне на усталую коленку.
Втыкаю вилку в огурец.
И Даша разговор сердец
закидывает втихомолку...

Мелецкий снял с гвоздя двустволку,
словно трагический артист.

Его пример – другим наука.
Я говорю себе: «А ну-ка
попробую и я, как он». —
Выглядываю: в чёрном поле
ни огонька. Ослеп я что ли? —
Одна лишь вьюга за окном.

«Много книжек читал я в родной стороне...»

Много книжек читал я в родной стороне:
много букв, много слов, много мнений.
Ничего не унёс я в своей котоме,
уходя в непогоду и темень.

В это утро упрёков, утрат и тревог,
в пустоту бесполезных терзаний
лезут пятна рябин и бригады грибов,
сопрягаясь в багряный гербарий.

Приблизительно так. Приблизительно всё.
По просёлку трясётся автобус.
Сквозь рассветную мглу на опушки лесов
тупо смотрит проезжий оболтус.

Много книг и брошюр он в родной Костроме
прочитал и забыл без последствий.
Ничего не случилось в его голове.
Только дождик да ветер осенний

торопливо стучится в слепое окно,
как сосед бьёт в окошко слепое, —
знать, машина пришла, знать, открыли сельпо,
как сказал бы Гандлевский-Заповев.

Неужели опять обретать атрибут,
утеряв предикат пререканий?...
В поле ветер метёт ярлычки мёртвых букв,
составляя последний гербарий.

«Древнее живое имя рек и морей...»

Древнее живое имя рек и морей
ветром протянуло в золотых облаках.
Вышел на прогулку молодой иерей,
смотрит с косогора на красивый закат.

Вышел на поляну многотравный июль,
вынул из тумана молодой нож луны.
Надвое на западе разрезал лазурь,
нагло улыбаясь – почти до хулы.

Но хотя повсюду безбожная власть,
много тут и проса, и ржи, и овса.
Всякая святая еда удалась,
всякое дыхание – хвалит Творца.

Светом лучезарным просиял эмпирей.
Ветер надувает облаков каскад.
Долго с косогора молодой иерей
смотрит, улыбаясь, на родной закат.

Океанов имя, островов, гор и льдов
протянулось ветром вдоль осенних широт.
Люди мы смиренные – так дай же нам Бог
краешек святыни от осенних щедрот.

Даже вот сливовое варенье – и то
можно облизнуться – для души западня.
Многие пытаются и это, и то —
одна только умница моя попадня.

Можно соблазниться, над полями летя,
взглядом погружаясь в золотой эмпирей.
Тоже собралась там облаков лития,
дымом поедая рыб и зверей.

Там на речке с удочкой старик-пионер
курит самокруточку, чудака-самодур.
Постоял в раздумье молодой иерей
и вернулся к матушке – пить самовар.

«Владивосток, понимаешь, Мукден да Харбин...»

Владивосток, понимаешь, Мукден да Харбин.
Всё не так просто, Господи, трудно-то как!
Вот и скитаемся где-то, вот и скорбим.
Суд на земле, а адвокат в облаках.

В Иерусалиме по вирусологии был конгресс.
Те же проблемы, только другим языком.
Где дефицит иммунитета пролез —
всюду ущерб и всюду нарушен закон.

Где моя alma mater? – В Алма-Ате.
Эвакуация, знаешь, сума да тюрьма.
Я по большому секрету скажу тебе:
подозреваю, что теорема Ферма не верна.

Если бы это открылось – всему конец.
Что мы умеем? – только молоть языком.
Всюду проблемы. Какой-то зыбкий контекст,
где узелок ты вяжешь за узелком.

Вряд ли тебе это важно. И ты права.
Вон вернисажи, тусовки – весело как!
Есть у художника, скажешь, своя тропа?
Всё не так просто, Господи, если бы так!

«Опушкой пробегают волки...»

[фрагмент поэмы «Нескончаемые сетования»]

Опушкой пробегают волки,
и звёзды сыплются из глаз.
А гости выпивают водки
и клеят рифмы между фраз.
Вот легкомыслие! – Куда же
нас заведёт оно? – У Даши
дрожит тревога на губах.
Прищурившись, она собак
почёсывает и поглаживает...

И я не знаю, что там дальше,
ищу грибы среди леса букв.

О моём шурине

В пространствах холодных, где фары в метели дымят
и в метеосводках на завтра лишь феня да мат,
нигде до заправки ни пса, ни жилья – только лес,
и парень поёт, загребая толчками колёс
под брюхо, как раненый лось.

Нигде ледяного мотеля в сугробах под дверь,
под мёртвые окна. – Порой только чёрная ель
метнётся с дороги, завидев фар прыгнувший свет.
Он крутит настройку – по радио хрипы и свист.
Он сам кое-как себе Битглс.

А то и «ламбаду». Он каждые десять минут
закуривает, – так в кабине истошная муть
висит и мотается в запертых стёклах,
и дует горячая топка,
и клонит заснуть.

Мой шурин отнюдь не такой был помятый шофёр.
Он красные дюны без шума на память прошёл.
Другой бы ослаб в одиночку сосать валидол —
подписку на смерть чтобы молча: давал – не давал,—
а в песенке вот она вам:

*Un son do lon —
 bada le.
Un son do lon —
 bada la.
Un son do lon —
 bada le.
Un son do lon-bada.*

Лови этот звук и бросай ей, как мячик: – «На,
лови этот звук и сразу обратно мне
бросай этот звук!» – И так, пока снежная мгла
не остановится в изумленье и не
сobbyётся со счёта в уме.

Тогда-то, отбросив все обстоятельства, встретить
в очищенном виде первоначальную весть.
Увидишь: как пыль, на простейшие доли она
бесконечно раздробленная
обоюдная смерть.

Нет, шурин мой был не такой баснословный шофёр, —

отнюдь. – И он красные дюны без шума прошёл:
на память до крайнего дюйма съел щей бензобак.
Но правильной речью поведать мог сей эпизод
лишь в притче, как древний Эзоп.

«Представь себе, – он говорил, – например, облака.
Представь в глубине головы, отойдя от окна.
Представь, как они оседают на дебри волос.
Представил? – теперь посмотри: там за дерево лес
укрылся, как опыт за текст.

Они оседают, а я укрываюсь в песках
немым одеялом. – Иные и в спальных мешках
ворочаются и боятся змеиных
укусов: хотят незаметно
уснуть – да никак...»

Когда мёртвый ветер летит над полянами рощ,
иной литератор чернил виноградную гроздь
с лица вытирает, как слёзы, – и вытер почти
и смотрит на мелкие звёзды, как рыцарь в плаще,
и смотрит на небо вообще.

Там можно увидеть любые фигуры земли:
пустыни и горы, улыбки и руки вблизи
и губы в слезах – и *что* может здесь произойти,
всё там поднимается в знак – и копируй себе
в гармонии и красоте.

Вот это и есть баснословья высокий полёт.
А низкий кружит в испареньях житейских болот.
Но есть в вышине и зверей силуэты,
там можно сложить теоремы
из львов и ослов.

Там есть арматура и шлаки затёртых пространств.
И шурин недаром был в школе десантных ОСНАЗ, —
другой бы ослаб в одиночку сосать валидол —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.